

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641061-1082>

Мусаева Майсарат Камиловна

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

majsarat@yandex.ru

Соловьева Любовь Тимофеевна

к.и.н., старший научный сотрудник

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

lubsolov@gmail.com

ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ В РИТУАЛАХ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Аннотация. В статье на основе методологии этнологических исследований – обработки полевого этнографического материала, архивного наследия, научных работ отдельных авторов по семье, браку и семейной обрядности – описывается и анализируется щепетильная и неоднозначная тема в традициях народов Дагестана, связанная с сохранением непорочности девушки до брака. Концепция интерпретации ценностей целомудрия рассматривается в комплексе ритуалов, представлений и верований дагестанских народов, не только через призму такого важного семейно-общественного мероприятия, как свадьба, но и как самостоятельного объекта, хотя и тесно с ней связанного.

Целомудрие, девственность девушки до замужества – объект горячих споров в обществе, поскольку отношение к нему трансформируется от эпохи к эпохе, от народа к народу. Несмотря на это, в Дагестане нет специального исследования, посвященного именно ритуалам, связанным с первой брачной ночью – переходом девушки в статус женщины. Перед этнографами (нами??, авторами??) стоит задача восполнить этот пробел.

С первой брачной ночью у народов Дагестана связан обширный комплекс ритуалов, в котором переплетаются как древнейшие верования, так и народные представления о здоровом потомстве. Благополучное завершение одного из эпохальных событий жизненного цикла человека – создания семьи, а также счастье женщины и ее статус в обществе зависят в дагестанских реалиях, не только исследуемого времени, но и сегодняшнего дня, от исхода этой «ночи».

Факт целомудрия, доказанный в «первую брачную ночь», не потерял актуальности у подавляющего большинства народов Дагестана и в настоящее время. Соответственно, некоторые традиционные этнографические ритуальные нюансы, несомненно, будут интересны не только специалистам.

Ключевые слова: Дагестан; ритуал; свадьба; целомудрие девушки; первая брачная ночь; превентивные меры.

© Мусаева М.К., Соловьева Л.Т., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641061-1082>

Maisarat K. Musaeva,
PhD (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
majsarat@yandex.ru

Lyubov T. Solovyova,
PhD (History), Senior Researcher
Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
lubsolov@gmail.com

THE WEDDING NIGHT IN THE WEDDING RITUALS AMONG THE PEOPLES OF DAGESTAN (19th – EARLY 20th CENTURIES)

Abstract. Based on the methodology of ethnological research – processing of field ethnographic material, archival material, scientific works of individual authors on family, marriage and family rites – the paper describes and analyzes a quite sensitive and controversial topic in the traditions of the peoples of Dagestan related to the preservation of female virginity before marriage. The concept of interpreting the values of chastity is considered in the complex of rituals, ideas and beliefs among the Dagestani peoples not only through the prism of such an important family and social event as wedding, but also as an independent object, although closely related to it.

Chastity, or the virginity of a girl before marriage is a subject of heated debate in society, since the attitude to it has been transforming from epoch to epoch, from nation to nation. Nonetheless, there is no special study in Dagestan devoted specifically to the rituals associated with the wedding night – the transition of a girl to the status of a woman. The challenge before us is to fill this gap.

The first wedding night of the peoples of Dagestan is associated with an extensive set of rituals, which comprises both ancient and folk beliefs about healthy offspring. The successful conclusion of one of the most important milestones of the human life cycle is starting a family. The happiness of women and their status in society depend on the outcome of this night in Dagestan realities not only of the time under study, but also of today.

The fact of chastity, proved on the wedding night, is still relevant among the vast majority of the peoples of Dagestan at the present time. Accordingly, some traditional ethnographic ritual nuances will undoubtedly be of interest to the general public.

Keywords: Dagestan; ritual; wedding; female chastity; wedding night; preventive measures.

© M.K. Musaeva, L.T. Solovyova, 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Создание крепкой, стабильной семьи – залог формирования еще одной ячейки общества, звена, которое, несомненно, способствует его развитию. В связи с этим одной из задач народов Дагестана является сохранение традиций, обычаев, ритуалов, связанных с созданием семьи: обрядов сватовства, свадьбы, первой ночи, сохранение и восстановление культа девственности, поскольку современный опыт показывает – традиционность способствует укреплению института семьи, который в настоящее время испытывает определенные трудности.

С появлением в семье дочери связана дагестанская пословица: «Родился камень для чужой стены». Семья, в которой росли девочки, понимала – надо приложить достаточно усилий, чтобы отшлифовать этот «камень» так, чтобы он мог «вписаться» в любую стену и не выглядел чужеродным в семье мужа, куда девушка переходила жить после замужества. Первым условием того, что она уживется в доме мужа, было сохранение ею невинности до замужества; причем это обстоятельство сохраняет свое значение и в настоящее время.

Целомудрие, девственность девушки до замужества – объект горячих споров в обществе, поскольку отношение к нему трансформируется от эпохи к эпохе, от народа к народу. Исследователи, которые проследили в ретроспективе значение девственности в культуре разных народов мира, отмечают, что она – как веское подтверждение «не принадлежности кому-то другому» – стала считаться ценным даром только вместе с упорядочением общественных отношений, когда отцам семейства стало важным знать, чей ребенок, чтобы четко соблюдать права наследования. По данным исследователей, мода на «непорочность» при вступлении в брак пришла в Европу только в XIX в.¹

Для народов Дагестана характерно представление, что целомудренность женщины – не только основа незыблемости семейных устоев, но и генетической трансмиссии здоровья и благополучия семьи, народа и общества в целом. Возможно, по этой причине все ведущие религии мира требуют беречь девичью честь.

Судя по письменным источникам, еще в дохристианской Руси первые «антиразвратные» ограничения – первый «налог» (денежную или вещевую компенсацию) на девиц, выходявших замуж не невинными, ввела княгиня Ольга в 953 г. До этого утрата невинности до супружества не порицалась².

Целомудренность девушки, доказанная на брачном ложе, считалась следствием правильного воспитания в семье. И такое положение, обязательное требование к добрачной невинности девушек, не было явлением узколокальным, присущим только народам Дагестана. На этот факт, с некоторыми отступлениями, связанными с более древними представлениями, указывает и известный кавказовед Ю.Ю. Карпов, занимавшийся изучением женского пространства всего Кавказа [1, с.138-155]. В исследуемое время для большинства народов не

1 Пушкирева Н.Л. Женщины не рождаются. Девственность и дефлорация в культурах мира // Статья в открытом архиве. № 16062018. Место депонирования: Сектор этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Дата депонирования: 18.06.2018. – 2 с. <http://www.pseudology.org/Sex/Defloration.htm>.

2 Что считали блудом на Руси // <https://suharewa.ru/chto-schitali-bludom-na-rusi/>

только Кавказа, но и мира было свойственно требовать от девушки непорочности до замужества.

Девушка, не сохранившая до замужества девственность, считалась в глазах социума развращенной, что усугубляло ее положение в обществе и могло поставить под угрозу ее личную безопасность: в некоторых арабских странах женщине за внебрачную потерю невинности до сих пор грозит смерть [2; 3]. «Испорченная» практически всегда выставлялась на публику, на посмешище. У разных народов это выражалось по-разному [4, с.259]. Причем позор ложился не только на ее плечи, но и родители считались повинными в ее «грехе» и в воспитательном пробеле. Это отмечают многие исследователи [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

Именно на воспитании в семье акцентирует внимание, относительно непорочности невесты до брака, памятник русской литературы «Домострой»³.

Отметим, что в дореволюционной России «охрана целомудрия» была даже делом государственным [14, с. 271]. Дагестан, как, впрочем, и многие регионы Кавказа, и в современном мире остаются островком, на котором требования относительно непорочности девушки до замужества весьма актуальны. Все исследования по Дагестану, затрагивающие вопросы семьи и брака, анализирующие свадебную обрядность, если и не прямо, но косвенно отмечают этот факт [15, с. 251-254; 16, с. 167-171; 17, с. 171; 18, с.150-153; 19, 219-221; 20, с. 36-37; 21, с. 120-146; 22, с.134-135; 23, с. 59-64].

Абсолютно не влияющая на физические данные девушки, на ее внешний вид, причем, довольно глубоко скрытая от глаз, «охраняющая» непорочность, анатомическая деталь, вызывает любопытство и окружено множеством представлений, мифов и целым комплексом обрядов и ритуалов. Возможно, это создано человечеством, чтобы закрепить переход от группового брака, ликвидировать беспорядочные половые отношения, которые существовали на заре возникновения человечества. Иначе объяснить отношение большинства народов мира к целомудренности девушки до брака не представляется возможным.

Девушка, в браке не состоящая, но утратившая целомудрие, осуждалась обществом и становилась объектом пересудов: кто-то жалел ее; кто-то гадал, кто виновник ее позора; кто-то сомневался. Но, однозначно, на удачное замужество девушка не могла рассчитывать. Кроме того, что в женской среде, в основном среди девочек-подростков, распространялось множество «страшилок», что может ожидать девушку, если она не сохранит до брака девственность. Такие «страшилки» можно рассматривать как превентивные меры против возможного девиантного поведения.

У отдельных народов Дагестана бытуют определенные представления о том, что утрата невинности до брака пагубно отразится на будущих детях женщины. В частности, считают, что первый ребенок, независимо от того, за кого девушка впоследствии вышла замуж, будет похож на того, кто ее обесчестил.

³ Сильвестр. Книга глаголемая Домострой. Гл. 21. Как детей учить и страхом спасать // <https://xn--d1akihbanhj.xn--p1ai/>

Если о девушке шла «дурная слава», ее отдавали замуж, как правило, за близкого родственника или вдовца, чтобы прикрыть «позор», который мог переходить из поколения в поколение по женской линии в виде упреков. Окружающие, в силу существовавших представлений, впоследствии пытались вычислить по внешнему виду первого ребенка «оступившейся» женщины (гадая, на кого тот, возможно, похож) того, «кто у нее был первым». Можно предположить, что в основе этого лежали древние верования, что не только рождение детей, но и плодовитость скота в какой-то степени связаны с «социально правильным» поведением женщины. Интересно, что у некоторых групп терских казаков, даже если в потере целомудрия невесты был виноват жених, после заключения брака молодые должны были сообщить об этом родителям жениха. Как считалось, иначе «скот в хозяйстве не будет водиться».

В этой связи, весьма актуальна известная пословица: «Честь нужно беречь смолоду, платье – пока новое». Тем более, что известно: невинность и целомудрие, не причиняют вред женскому здоровью и являются, по народным представлениям, «ключом» к безмятежной семейной жизни.

До «первой брачной ночи»

Детально разработанная знаково-символическая система была характерна для многих моментов дагестанской свадьбы. Она представляла собой сложный комплекс, включавший в свой состав весьма разнообразные по своему происхождению, характеру, функциям элементы, позволявшие транслировать уникальность этнической культуры именно через обрядовую сферу. Прежде всего, обычаи и ритуалы семейно-бытового круга. Характеризующиеся консервативностью, в силу интимности семейно-обрядовой сферы, традиционно здесь сохраняются, хотя и в редуцированном виде, дольше, чем в других областях социальной сферы. Значимое место в системе семейной обрядности отдельных народов занимали продуцирующие обычаи и ритуалы, некоторые из них бытуют и сегодня.

Не являлось исключением и проведение первой брачной ночи. Этот обряд представлял собой заключительную и самую важную часть свадебной церемонии. Именно он служил рубежом, когда девушка становилась женщиной, а юноша – мужчиной. Чтобы при проведении этого «ритуала перехода», когда, как считалось, новобрачные были особенно подвержены влиянию вредоносных сил, прошёл для них без потрясений, предварительно необходимо было последовательно провести ряд охранительных обрядов, диктовавших свои предписания и запреты. У каждого народа, которых в Дагестане более сорока, первая брачная ночь проходила по-своему, с нюансами, характерными только для отдельно взятого народа, общества, даже села.

Первой брачной ночи предшествовали прощание девушки со своей семьей и переход ее в дом жениха – у одних народов Дагестана, или специальное место – «другой дом», где должен был состояться обряд у других. При любом варианте, девушка отправлялась из родного дома не одна, а со свитой.

Центральное место в свите невесты принадлежало женщине, сопровождавшей новобрачную в дом жениха. Ее называли «гъудул», «кӀудияй гъудул»,

«цадахъ ячІарай» («подруга», «старшая подруга», «пришедшая вместе» – у аварцев); «цІикІула аба» («мать невесты» – у даргинцев); «абай къатын» (бабушка – у кумыков), «енге» (у дербентских азербайджанцев, ногайцев); «наиб-би», «янги» (у лезгин, цахуров, рутулов, агулов); «чІарав шар» («рядом женщина» – у лакцев); «швушван баб» (у табасаранцев) и т.д. Почти повсеместно эти главные представители семьи невесты на свадьбе в доме имели помощников. У некоторых народов в свите невесты находились две ее тетки, с отцовской и с материнской сторон. Так, у лезгин сел. Ахты было две янги – «левая» и «правая», в сел. Ашага-Захит – старшая и младшая. Часто невесту в дом жениха сопровождала жена дяди по материнской линии или жена старшего брата. Исследователи считали, свиту, окружавшую молодых, функционально, «одной из форм ограждения жениха и невесты от чар и злых духов» [24, с. 165].

Сопровождавшая невесту женщина несла полную ответственность за невесту и была единственной из родни невесты, присутствовавшей в доме жениха во время свадьбы. Она неотступно находилась около своей подопечной и должна была оберегать, опекать невесту и отвечать перед ее семьей за соблюдение всех обычаев, проходивших в доме жениха, касающихся девушки, как с ее стороны, так и со стороны жениха. Известный кавказовед Г.Ф. Чурсин писал относительно дружек и шаферов: «В большинстве случаев они неотступно следуют за женихом и невестой и совершают разного рода обрядности, которые имеют магическую силу разрушать козни недругов и прогонять злых духов» [25, с. 124].

Переход невесты в дом жениха

В дом жениха невесту переводили (или перевозили) у разных народов в разное время: днем, под вечер, ночью, иногда в полночь. Скрытно у одних и, напротив, шумно с музыкой, в сопровождении многочисленных дружек и стрельбы – у других. У андийцев, например, невеста отправлялась в дом жениха поздно ночью в сопровождении двух-трех женщин и ее наставницы.

Она прикрывала невесту полой своей шубы так, чтобы присутствие ее среди женщин вообще не было заметно. У гергебильских аварцев невесту переводили днем. Она шла нарочито медленно, заставляя себя упрашивать после каждого шага. У аварцев и сейчас медлительному человеку говорят: «Он как гергебильская невеста – никуда не спешит». У хваршин невесту вели к жениху днем; по дороге ее могли закидать яйцами, обсыпать золой, окатить водой, поэтому над ней несли большой матрас. Поскольку при переводе невесты в дом жениха боялись недоброжелателей, чтобы обмануть их, предпринимали различные действия. Так, у лакцев в свадебной процессии с соблюдением всех обрядов шла «ложная» невеста, в то время как настоящая в сопровождении одной или двух подруг шла обходным путем. Иногда невесту из дома отца переводили по договоренности в другой дом: к соседям, родственникам, откуда позже ее забирали посланцы жениха. Чтобы обнаружить и забрать бежтинскую невесту, посланцам жениха требовалось немало усилий, поскольку она несколько раз меняла свое местопребывание [17, с. 157]. Прибегали и к другим ухищрениям, например, у лезгин, из-за убеждения, что если вернуться той же дорогой, по

которой шли за невестой, злые духи могут поджидать их там, чтобы навредить невесте, свадебный поезд возвращался в дом жениха другим путем.

Встреча невесты в доме жениха

Невесту при входе в дом жениха должна была встречать свекровь; если ее не было – тетья жениха со стороны отца или одна из старших его родственниц, у которой жизнь сложилась удачно. Встречали ее повсеместно обязательно ложкой меда, который входившая в дом невеста должна была попробовать. У отдельных народов Дагестана предусматривались при встрече невесты и дополнительные действия и ритуалы. У некоторых групп аварцев, у даргинцев, лакцев, табасаранцев девушке у входа в дом подносили чашку масла и миску с мукой. Она должна была окунуть правую руку сначала в масло, затем опустить ее в муку и на дверной притолоке оставить свой отпечаток. У хваршин под ноги входящей невесты стелили овчинное одеяло с ворсом «цахъхъа алла»; у аварцев сел. Ругуджа невеста должна была перешагнуть через перевернутый очажный треугольник «уххи»; часто при входе в дом кидали к ногам невесты мелкие серебряные монеты. Большое значение придавалось осыпанию при входе невесты в дом мукой, рисом, изюмом, орехами и другими известными символами плодородия, поскольку именно это качество должно было укрепить, а при рождении сыновей и повысить ее статус в семье мужа. У ногайцев и северных кумыков, кроме осыпания, под ноги новобрачной стелили овечью шкуру. Хождение по овечьей шкуре девушкой «расценивалось как выставление напоказ собственных фертильных свойств...» [1, с.101]. В результате тесного этнокультурного взаимодействия подобный обряд ввода невесты в дом по свежей бараньей шкуре стали проводить адыги [26, с. 127], кабардинцы [27, с. 179], русское население Северного Кавказа [25, с. 131]. У ахвахцев невеста, после ввода в дом жениха, должна была сидеть под покрывалом на овечьей шкуре, в специальной комнате или в отгороженном углу комнаты, компанию ей составляли подруги и сопровождающая ее женщина.

Придавалось большое значение защите невесты от вредоносного влияния злых духов и всяческих потусторонних сил, от людей, пользовавшихся репутацией «глазливых». По народным представлениям, в противном случае она могла заболеть или остаться бездетной. Возможно, по этой причине комнату, предназначенную для невесты, предварительно подготавливали с точки зрения «охранных» действий: в сосуд с водой клали три сырых яйца (возможно, это символизировало невесту, жениха и их будущего ребенка); на подоконник ставили большой камень (символ мужской силы и плодородия). Саму невесту после ввода в комнату часто, например, у лакцев, сажали в угол (иногда занавешенный) на большую подушку. Традиционно, по тому, чья сторона (жениха или невесты) первая подложит подушку, определяли кто будет главенствовать в семье [17, с. 168]. В лезгинском селении Маза невеста, войдя в отведенную ей комнату, должна была стоять в углу, пока свекровь или старшая женщина не разрешала ей сесть. Она сажала ее на стул или на ее же сундук со словами: «Садись, дорогая! Этот дом твой, парень тоже твой, у нас есть одна корова и она

твоя». При этом всякий раз, как только кто-то входил, невеста должна была вставать. Кюринские лезгины перед тем, как дать разрешение невесте сесть, ставили ее на перевернутое корыто для замеса теста (чанах), предварительно подложив под него семь железных крюков (по их представлениям, символ семи сыновей), которыми крепили веревки при перевозке сена на арбе. Здесь очевидно использование символики плодородия через предметы, которые одновременно могли выполнять и роль апотропеев.

Преддверие первой ночи

Непосредственная встреча жениха и невесты перед событием, которое должно было стать венцом создания семьи, у каждого из народов Дагестана происходила по-своему, с многочисленными нюансами (игровыми, романтическими, шокирующими, на современный взгляд). У даргинцев, лакцев, лезгин и народов лезгинской группы, а также части аварцев брачная ночь проходила в родительском доме жениха. У тюркоязычных народов Дагестана жених вместе с близкими друзьями находился до момента встречи в «другом доме» (по договоренности – у соседей, у родственников), откуда его, как правило, тайно, приводили к невесте в дом жениха. У большинства аварцев и отдельных народов андо-дидойской группы, у которых жених тоже находился в «другом доме», там же проходила первая или даже несколько брачных ночей.

В частности, у андийцев жениха тайно вели из «другого дома» к невесте, находящейся в его доме. При этом дружки бдительно следили, чтобы его не облили водой, не привязали бы к его одежде тряпки, что могли позволить себе женщины – свидетельницы этого перевода. Возможно, что обливание водой в этот момент жениха могло символизировать первоначально пожелание плодovitости, поскольку, вода – это жизнь. Однако позже произошла смысловая трансформация этого обряда и подобные действия в целом превратилась в элемент веселья и развлечения молодежи.

В тех случаях, когда брачная ночь должна была состояться в «другом доме», невесту, иногда даже переодетую в мужской костюм, или через окно, тайно сопровождали к жениху. Первые три ночи жених и невеста проводили в этом «другом доме», возвращаясь рано утром в родительский дом новобрачного. Считалось, что тайное проведение брачной ночи в «другом доме» возникло в древности в ответ на «хулиганства» молодых холостых ребят, которые мешали новобрачным, подглядывая в окна, дымовое отверстие, подслушивая. Подобные действия, известные как «свадебная обструкция», характерны для многих народов Кавказа и окружающих регионов. Считается, что главная их функция – отпугнуть враждебные «темные силы» от молодых [28, с. 62]. Надо отметить, что практически у всех народов Дагестана у жениха тоже был назначенный родней женатый мужчина, который должен был его сопровождать повсюду, опекать, давать наставления, но не вмешиваться в холостяцкие увеселения.

У даргинцев Сюргинского участка (сел. Урари) после водворения невесты в дом жениха его неженатые друзья приводили его в эту комнату и подтал-

кивали к невесте; обряд носил название «познакомить с невестой» [17, с.169]. После этого жених сразу уходил, а оставшаяся у невесты мужская молодежь и девушки, приведшие ее, проводили обряд дележа огромного пирога с сыром, который готовили специально к этому моменту в доме жениха. Участие в этом ритуале женатых мужчин не допускалось.

Встреча жениха и невесты была наиболее ответственным моментом. Брачной ночи предшествовала подготовка, которую осуществляла сопровождающая невесту из родительского дома специальная женщина, о которой было сказано выше. Именно она, как правило, должна была стелить постель для новобрачных. Брачную постель принято было застилать принадлежностями и бельем, принесённым невестой в качестве приданого. Это сопровождалось определенными символическими действиями: начиная застилать постель, она с помощью специальной фразы «завязывала шайтана» и трижды читала молитву *дуа*; практически у всех народов Дагестана было принято под матрац класть кинжал в ножнах (символ мужского достоинства). У некоторых народов (рутульцев, лакцев, части аварцев) в момент застилания брачной постели в комнату вводили мальчика 5-6 лет и перекатывали по постели.

При подготовке постели для молодых могли присутствовать близкие родственники жениха. У чамалал сел. Гигатли любой из мужчин в этот момент имел право бросить на постель свою папаху, но за это он должен был заплатить денежный штраф. В брачных обрядах часто фигурировала папаху. В частности, у годоберинцев подруги невесты перед вводом к ней жениха бросали на брачную постель мужскую шапку.

В некоторых даргинских обществах было принято «топтать» постель новобрачных: друзья жениха ждали момента, когда она будет готова, и, опережая друг друга, бросались на постель, чтобы помять ее, пока не получат в виде выкупа сладости и пироги от женщины, застелившей постель.

В аварском сел. Тукита один из мужчин ложился на постель невесты, накрывался одеялом и выставлял из-под него двух танцующих кукол в мужской и женской одежде. Куклу забирала женщина, застелившая постель, и вешала их на гвоздь в комнате молодых. Эти куклы принято было хранить до свадьбы их сына. Некоторые куклы передавались из поколения в поколение.

У аварцев сел. Ругуджа постель стелила свекровь. Каждая женщина, имевшая сыновей, для каждого из них заранее заказывала белую войлочную «простыню» («буртина») размером с матрац, которую она аккуратно обшивала вокруг красной тесьмой и по контуру украшала красивой вышивкой. Вот эту «буртина», поверх тканевой простыни, и стелила свекровь молодым.

У ахтынских лезгин женщина, застилавшая постель новобрачных, получала от жениха или его матери вознаграждение.

Анализируя церемонию подготовки брачной постели к кульминационному моменту, следует заметить, что постель становится местом, где проводят манипуляции с ребенком мужского пола, с предметом мужской одежды – папахой, с самим мужчиной и свадебными куклами. Все это символизировало пожелание

невесте родить первенца мужского пола, поскольку у большинства народов Дагестана рождение сына традиционно повышало статус семьи.

Встреча новобрачных обычно сопровождалась рядом эксцессов, поскольку в традициях практически всех народов Дагестана было принято мешать им в эту ночь соединиться.

В даргинском сел. Кунки после привода невесты в дом жениха сюда являлся «друг», в доме которого жених находился в это время, и заводил с женщинами шуточный иносказательный разговор, длительность которого зависела от разговорчивости женщин и продолжительности шуточной борьбы между поверенными жениха и невесты на постели новобрачных. Завершение борьбы было сигналом, что пора покинуть комнату, в которую должен зайти жених.

С.Ш. Гаджиева считала, что борьба между стороной жениха и невесты, которая обставлялась игровыми действиями, это символ борьбы двух начал – патрилокального и матрилокального поселения [15, с. 238]. Например, у аварцев (общество Карах), где невеста должна была наступить на кремневое ружье, двое мужчин – родственник жениха и родственник невесты – хватались за него и тянули каждый к себе. Состязание обычно завершалось тем, что побеждал родственник жениха. У даргинцев почти то же делали с паласом. Одна сторона тянула его во двор, другая – на улицу, до тех пор, пока кто-нибудь не перетягивал. Если силы обеих сторон оказывались равными, «тогда они возьмется целый час без всякого успеха. Случаются при этом и несчастья: ковер может разорваться и тогда партии отлетят в сторону со страшной силой на целых три сажени» [29, с.32].

Первая встреча новобрачных

Есть свидетельства, что у некоторых народов Дагестана было принято довольно жестко обращаться с невестой при первой интимной встрече. В частности, есть свидетельство, что у ахтынских лезгин, в первую брачную ночь жених должен был жестоко избить невесту плетью⁴. О бытовании подобного обычая у лезгин селения Мискинджа пишет и М.Ш. Ризаханова [30, с. 136]. Об этом пишет относительно лезгин Самурской долины и Б. Рагимова, отмечая, что этот обычай не считался обязательным [21, с. 37].

У некоторых народов Дагестана жестким обращением с невестой якобы стремились задать вектор будущей совместной жизни, где мужчина будет «хозяином дома». Например, у даргинцев сел. Урахи, Мулебки и др. жених стоял за дверью, чтобы, как только невеста переступала порог свадебной комнаты, ударить ее по голове. Г.-М. Амиров описывал, что происходит, когда невесту вводят в комнату, а жених ожидает ее за дверьми: «Как только она переступит порог, он дает ей хорошего, прехорошего пинка, и это первая любезность будущего супруга» [29, с. 31]. Относительно тех же даргинцев писал и Б. Далгат: «Когда невеста входит в комнату, то жених обыкновенно прячется за дверью и три раза ударяет ее по спине в знак своей власти над ней с того момента» [31, с. 98]. У даргинцев сел. Мекеги встреча жениха и невесты проходила следую-

4 Запись студента ЛГУ Буткевича Бронислава об участии в Дагестанской этнографической экспедиции. 1925 г. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

щим образом. Жених, прятался за дверью и должен был постараться пригнать при всем народе, в момент перешагивания через порог комнаты, голову невесты. Невеста же стремилась этого избежать и готова была набить шишку на лбу, лишь бы помешать попытке жениха показать над ней свою власть. Обряд нанесения «ударов» невесте при первой встрече бытовал и у карабудахкентских кумыков, азербайджанцев, табасаранцев, части лакцев. У табасаранцев говорили: «Невесту надо воспитывать, пока с нее еще не снято свадебное покрывало». Ритуал снятия покрывала с невесты символизировал переход девушки в статус женщины (не случайно у кумыков, если девушка оказалась нецеломудренной, говорили: «Покрывало уже было сдато с головы»). У лакцев сел. Шали сопровождавшая невесту тетя обыскивала комнату, чтобы найти плетку жениха, и прятала ее, чтобы он не смог ею воспользоваться.

По народным представлениям, обычай «избиения невесты» якобы должен был наглядно продемонстрировать подчинение жены мужу в совместной жизни. Но исследователи считают, что этот ритуал, скорее всего, можно считать отголоском магического «ритуального бичевания», которое применялось в качестве церемонии очищения и искупления, или «ударом розгой жизни», с карпогоническим предназначением, ведь известно, что продуцирующие обычаи и ритуалы занимали значительное место в системе семейной обрядности отдельных народов; некоторые из них сохранились и сегодня [25, с. 177].

По религиозным канонам, прежде чем вступить в близость, жених и невеста должны соблюсти ряд традиционных правил шариата, которые закладывают фундамент богоугодной, безоблачной и благополучной семейной жизни. Молодые должны были убедиться, что в комнате нет посторонних людей и животных, а также вынести Коран или накрыть его тканью. Свет в комнате должен был быть приглушенным. В горной местности комнату обычно освещала печь, поскольку свадьбы в старину играли осенью, когда ночью бывало довольно холодно. Непосредственно перед интимной связью мужчинам рекомендовалось прочитать молитву *дуа*.

Чаще всего встреча новобрачных у большинства народов Дагестана проходила по сценарию, который был создан на основе древнейших представлений и верований, которые были тесно переплетены с исламом.

У части лезгин (сел. Ялджух, Ихир, Хнов, Курах, Касумкент и др.) ритуал брачной ночи был примерно следующим. Жених, войдя в комнату к невесте, здоровался, после чего им полагалось вместе прочесть *дуа*. Затем он наступал невесте на ногу, прикладывал большой палец своей руки к пальцу ее руки и говорил: «В четырех углах четыре ангела, пальцы ног и рук – свидетели, дала ли ты мне слово». Невеста должна была ответить: «Разрешение я тебе дала». Завершив этот диалог, жених приказывал ей снять с себя сапоги и развязать завязки на брюках. Затем он передавал невесте вареное яйцо, и она должна была его очистить. Половину яйца съедал жених, другую половину – невеста. Как правило, невеста беспрекословно выполняла его приказания, иначе, по традиции, жених имел право ударить ее плеткой. Совместную трапезу с поеданием яйца можно объяснить и как употребление символа плодородия, жизненной

силы, место которого в свадебной обрядности общеизвестно, и как первое общение жениха и невесты, поскольку не у всех народов Дагестана жених и невеста могли свободно общаться до свадьбы.

Яйцо в свадебной обрядности фигурировало повсеместно. В частности, у табасаранцев, кроме того, что в полночь перед входом к невесте с жениха требовали выкуп за дверную ручку, он должен был во время общения с невестой устроить ей легкое испытание: невеста должна была, не касаясь ногтями, очистить от скорлупы вареное яйцо. Затем они съедали его вдвоем. У лезгин сел. Ахты к моменту прихода жениха, которого тайно вели шаферы, *енге* должна была подготовить большой поднос с едой («*суфра*»), которым она их встречала. Друзья с женихом садились и начинали трапезу, в которой ни невеста, ни *енге* участия не принимали. После ужина невеста вручала им сверток с едой, специально приготовленной для шаферов, чтобы те ушли, оставив жениха в комнате. Они, как правило, выходили, но оставались за дверью и «стерегли» молодых, чтобы им никто не мог помешать. В некоторых селах (сел. Кудчах, Кахул, Смутул) после трапезы шаферы насильно, слегка полушутя, пиная, уводили жениха на некоторое время к реке и только после этого возвращали его к невесте.

У рутульцев в тот момент, когда жених заходил к невесте, между молодыми проводился обряд «преломления хлеба»: жених и невеста, взявшись за большой круглый хлеб, тянули его каждый к себе, стараясь оторвать большую часть.

В некоторых обществах даргинцев в первую брачную ночь проводился похожий обряд: дружка жениха приносил новобрачным на блюде чурек с маслом. По его знаку жених и невеста должны были, опережая друг друга, схватить чурек. Подруга невесты пыталась сделать так, чтобы до чурека первой дотронулась невеста, дружка жениха препятствовал этому, поскольку верили в то, что тот, кто дотронется до хлеба первым, будет властвовать в доме.

В селах, где проходила свадьба, в ночь, когда должна была состояться интимная встреча жениха и невесты, холостая молодежь часто озорничала, иногда довольно жестко, что можно связать традициями «свадебной обструкции», о которых уже говорилось выше.

У хваршин брачная ночь проходила в «тайном» доме (в весьма условном «тайном» доме, поскольку в небольшом селе сохранить тайну было довольно сложно). Вся холостая молодежь села собиралась возле этого дома, шумела, танцевала на крыше, заглядывала в окна. Часто жених откупался специально для этого припасенными вареными яйцами, пирогами, в сел. Инхоквари – ореховой халвой, поскольку здесь хорошо росли орехи с тонкой скорлупой. Если молодежи казалось, что жених не справляется с невестой, друзья поднимались на крышу брачного дома и проводили обряд «кушаха» – обвязывали каток для утрамбовки плоской глиняной крыши красным кушаком (элемент женской одежды хваршинки) и ставили его вертикально, чтобы сработала так называемая «магия подобия».

Подобные развлечения холостой молодежи в свадебную ночь были обычным явлением в Дагестане. В некоторых селах этот обычай бытовал до конца XX в.

У даргинцев (сел. Дуакар, Кища, Зубанчи) не позднее чем в три часа ночи гости расходились, чтобы жених и невеста остались одни. Но минут через 30–40 молодые люди – холостяки села и друзья жениха – забирались на плоскую крышу сакли и разбирали ее, наливали воду в печную трубу, стучали в окно. У большинства южных даргинцев жених не имел права закрывать дверь брачной комнаты в момент встречи с невестой. В селениях Ицари и Кунки дружки, стоявшие на веранде, могли даже на короткое время заходить в комнату. Если новобрачные закрывали дверь, ее могли взломать.

У буркун-даргинцев, двери комнаты, где проходила «первая брачная ночь», охраняли двое дружек жениха, чтобы им не мешала сельская молодежь. Друзья шумно боролись на веранде, кидались друг в друга мелкие предметы, кричали жениху, чтобы он скорее вышел, завершив свое дело. Как только жених выходил из комнаты, сопровождающая женщина заходила, помогала невесте одеться, прибраться; следом заходил старший дружка и они с женщиной («иркьяни») устраивали в постели новобрачных борьбу, при этом она старалась снять с него шапку, которую потом с угощением должны были отправить мужчинам, находившимся на *годекане* [22, с. 135].

В лакском сел. Балхар утром, после первой брачной ночи, постель молодоженов мяти дружки жениха и даже его родственники. При этом они должны были снять обувь с одной ноги и лежать там, пока им не принесут выкуп, как правило, что-то из еды (пирог, вареное мясо, хлеб с бузой). Интересно, что традиция мять постель новобрачных – явление довольно распространенное, например, у кахетинцев и хевсур [32, с. 31].

У кумыков был обычай не пропускать жениха к невесте, пока тот не отгадает загадки. Иногда эти загадки были настолько сложны, что жениху приходилось откладывать свой визит к невесте на следующую ночь и отправлять друга искать людей, порою даже в соседних селениях, которые могли бы ему помочь. Задавала эти загадки от имени невесты сопровождающая ее женщина [15, с. 241].

В отдельных аварских селах современного Чародинского района, а также у соседних с ними лакцев существовал обычай, согласно которому жених в первую брачную ночь должен был разговорить невесту, заставив ее отвечать на вопросы. Было престижно для невесты как можно дольше сохранять молчание. Как только невеста произносила хотя бы одно слово, жених передавал сопровождающей ее женщине, ожидавшей за дверью, сосуд с медом. В лакском сел. Шалиб, как только невеста заговаривала и жених с ней «мирился», невеста передавала через жениха дружке ключ от сундука с припасами, которыми он должен был угостить дежуривших у дверей комнаты друзей жениха. Иногда дружка, взяв узелок с продуктами, выходил танцевать.

Среди обычаев, связанных с водворением невесты в дом жениха и их первой встречей у брачного ложа, особое место у некоторых горных народов занимает состязание жениха и невесты, их единоборство. По обычаю, у некоторых малочисленных народов Дагестана (хваршин, багулал, чамалал, тиндал), у части аварцев (обществ Кудали, Ругуджа, Кегер, Кутлаб, Гочоб, Кахиб и др.) невеста должна была оказывать жениху сопротивление и бороться с ним. Для победы

в ночном единоборстве использовались определенные ухищрения. У хваршин, например, жениха перед тем, как впустить к невесте, обыскивали, опасаясь, что он мог припрятать нож, чтобы разрезать толстую вздержку штанов, которую принято было завязывать на несколько узлов. У других специально на невесту надевали пришитую друг к другу одежду; натирали тело жиром, чтобы молодой легче было сопротивляться. Даже брили невесте голову, чтобы жених не мог схватить ее за волосы во время борьбы. Невесты сел. Кутлаб даже специально тренировались перед свадьбой, чтобы стать сильными. Мать невесты организовывала предварительные состязания дочери с каким-нибудь близким семье юношей и учила дочь приемам борьбы.

Состязание жениха и невесты в первую брачную ночь, редуцированное позднее в «заигрывание», относится к числу обычаев, широко засвидетельствованных этнографически и исторически [33, с. 366] и, как считает С.Ш. Гаджиева, к числу наиболее выраженных свадебных антагонизмов [15, с. 247].

Демонстрация целомудрия

Удостоверение невинности новобрачной было апогеем брачной ночи. Это было важным условием спокойной жизни девушки в новой семье, в новом статусе замужней женщины. У каждого из народов Дагестана это происходило по-разному. Как уже было сказано выше, свидетелей, наблюдавших за тем, как проходила ночь, было достаточно. У одних народов жених выходил от невесты буквально через 20-30 минут, как у аварцев сел. Ругуджа, где жених ударом ноги в дверь должен был дать знать «старшей подруге» о том, что все в порядке. Она заходила в комнату и забирала белый войлочный коврик «буртина», который служил молодым простыней. У выхода ее ждали родственницы жениха. Та, что сумела первой схватить «буртина» и выбежать в круг танцевать со свидетельством непорочности невесты, получала подарок от матери жениха (отрез на сорочку). Жених возвращался к невесте, а «старшая подруга» спешила к матери невесты с сообщением, что все в порядке, дочь невинна и не подвела отца. За это ей полагался хороший подарок. После возвращения к невесте «старшая подруга» получала еще один подарок от матери жениха. Белый войлочный коврик, украшенный вышивкой, невеста должна была хранить в своем сундуке. Утром в комнату к новобрачным приходила с поздравлениями свекровь и другие близкие родственницы. Они несли ей подарки, в ответ невеста также одаривала их.

Свекровь могла подарить невесте платок, отрез на платье, украшение. Например, у аварцев сел. Ругуджа, если брачная ночь прошла, как полагалось, свекровь утром на руку невестки надевала серебряный браслет, приобретенный ею заранее для такого случая. Отсутствие утром на запястье невесты браслета, родственниками, прибывшими поздравить новобрачных, могло быть воспринято неоднозначно. По селу могли пойти сплетни.

У лакцев, перед брачной ночью подготавливали хлеб и вареную баранью ножку, которую жених должен был передать из-за двери, сразу после удостоверения в невинности невесты, как угощение для друзей и близких родствен-

ников, оставшихся в доме. Тотчас по поручению «рядом женщины» посылали гонца в дом родителей молодой, где также находилась, не расходясь по домам, близкая женская родня невесты. Отсюда по ночным улицам с факелами и с подносами заранее приготовленной халвы шла с песнями процессия женщин в дом молодожена, где их уже ждали и встречали с полагающимися по обычаю почестями.

У рутулов доказательством целомудренности невесты являлся платок, который предварительно крупными стежками пришивали к брачной постели. Этот платок жених должен был сорвать и передать своим друзьям, чтобы они отдали его женщине, сопровождавшей невесту. Если жених был доволен невестой, отправляли гонца к ее родителям с платком невинности. Женщине, сопровождавшей ее дарили платок и отрез [34, с. 216].

В сел. Хин продолжение торжества, с участием жениха и его друзей, которое было около полуночи остановлено, служило сигналом, что невеста оправдала доверие родителей.

У агулов проверка целомудренности невесты проводилась старшими родственниками со стороны жениха. Каждая из них могла подойти к постели новобрачных и удостовериться в этом. Для этого какое-то время постель не убирали.

У табасаранцев в одних селениях «платок невинности» («лишан») подвешивали к зеркалу, которое принесла невеста в качестве приданого со свадебным поездом (несла зеркало, как правило, сопровождавшая невесту женщина). В Южном Табасаране, в селении Хоредж «платок невинности» принято было утром вешать на стену, напротив двери, всем на обозрение. У части табасаранцев после первой брачной ночи, если все было в порядке, невеста должна была переодеться в новый наряд – это служило свидетельством того, что с этого дня она обрела статус замужней женщины. У даргинцев в селениях Карбачимахи, Ираки и Дибгалик не было принято интересоваться или сообщать о целомудрии невесты. Жених мог, во избежание позора для нее и из уважения к родителям невесты, промолчать и через месяц, объяснив причину родителям невесты, расторгнуть брак. Невеста лишалась права на все подарки, которые получила от жениха и, естественно, такой скорый развод не обходился без пересудов и предположений.

У лезгин жених, в сопровождении своих друзей направлявшийся к невесте, входил в комнату один, а друзья оставались за дверью. Через некоторое время жених должен был вынести «платок девственности» невесты и передать его своим друзьям. В отдельных лезгинских селах «платок невинности», как и у табасаранцев, вешали на зеркало, которое из дома невесты приносила *енге*, сопровождавшая невесту в дом жениха.

В лезгинском сел. Куруш в комнате с новобрачными оставалась старуха-родственница, в обязанности которой входило засвидетельствовать невинность невесты.

У лезгин сел. Усур танцы в доме жениха продолжались до тех пор, пока *енге* невесты не выходила с платком, удостоверяющим невинность молодой, и танцевала с шафером жениха.

В лезгинском сел. Кабир в брачной комнате с женихом и невестой оставались два шафера и еще два родственника жениха. В их обязанность входило, держать над постелью новобрачных, как полог, большой платок.

После брачной ночи шаферы сразу же уводили жениха туда, где он до этого находился, и в течение еще нескольких ночей они же приводили его к невесте. Но так было не везде: в сел. Курах жених после брачной ночи уже не уходил. В сел. Кутул жених после первой брачной ночи отправлялся к своему опекуну (хозяину «другого дома», где он находился до брачной ночи), но к полудню возвращался либо сам, либо за ним посылали людей из дома жениха и приводили обратно с музыкой.

В некоторых лезгинских селах в знак того, что первая брачная ночь прошла благополучно, дружки стреляли.

Этот обычай еще раз демонстрирует этническое многообразие Дагестана: если лезгины выстрелами подтверждали непорочность невесты, то даргинцы, южные кумыки наоборот – стреляли, когда обнаруживалось, что честь невесты запятнана.

Наказание новобрачной за девиантное поведение

Несостоявшаяся невеста обязана была вернуть все подарки жениха, у тюркских народов еще и калым. Обратно она получала только приданное.

У тюркоязычных народов Дагестана (у южных кумыков, азербайджанцев, терекменцев, ногайцев) если девушка оказалась нецеломудренной, жених выгонял ее через окно, а родители жениха сажали на черного осла задом наперед, накидывали сверху черную бурку, вручали поводья женщине, сопровождавшей невесту и с позором отправляли назад к родителям. Опозоренная девушка, как правило, домой не возвращалась, а скрывалась у родственников своей наставницы, так как в родительском доме ее ожидала верная смерть от руки отца или братьев [23, с.63].

У даргинцев девушку было принято с позором изгонять в ту же ночь, вместе с подругами и женщиной, которая ее сопровождала. В частности, Г.М. Амиров писал: «Если жених найдет, что честь невесты запятнана, то он сейчас же вещает об этом выстрелом из пистолета. Тогда родители спешат увести опозоренную дочь домой, и кинжал отца или брата редко щадит ее» [29, с. 32].

У аварцев сел. Ругуджа было принято брачную постель стелить на втором этаже, в комнате, окно которой выходило во двор (азбар) или на улицу. Якобы это было связано с тем, что невесту, потерявшую невинность до свадьбы, жених в ту же ночь мог выбросить в окно. Если в доме был двор, она должна была упасть в круг танцующих, ожидавших известий от жениха. Не оправдавшую надежд жениха и семьи девушку поспешно уводила к себе сопровождавшая ее женщина («большая подруга»), подальше от гнева родителей. Рассказывают, что некогда был такой случай; невеста еще ночью ушла из села, и больше ее никто не видел.

У лезгин, невеста, оказавшаяся нецеломудренной, сразу же получала развод и отправлялась с позором в дом родителей. Судьбу ее решали ее родственники. Такую девушку могли даже лишить жизни.

У терекеменцев, если невеста оказывалась не невинной, ее тут же выгоняли из дома вместе с ее наставницами. Сохранилось предание о том, что в далеком прошлом девушке, оказавшейся не девственной, отрезали косы, сажали на ишака и, накинув на нее бурку, отправляли к отцу.

У табасаранцев, если невеста оказывалась нецеломудренной, брак тут же расторгался. Затем, в присутствии *янги* и ее помощниц, невесту одевали в обноски и с позором отправляли назад к матери. В таких случаях иногда практиковался поиск родителями жениха при помощи совета из 10 уважаемых мужчин-родственников подходящей девушки взамен опозоренной и поспешного их бракосочетания. Такими мерами родители жениха пытались избежать расходов, связанных с новым сватовством и свадьбой.

Следует отметить, что в Дагестане законы в отношении девушек, не сохранивших целомудрие до свадьбы, были суровы. Но не всегда они исполнялись неукоснительно. Как правило, такое случалось редко. Если о проступке девушки узнавали, это могло стать позором для всего родственного коллектива, упреком для мужчин семьи на несколько поколений. Девушку родственники могли лишить жизни или изгнать из общества. Старшины джамаата сразу брали на себя инициативу регуляторов ситуации, делали все возможное, чтобы избежать кровопролития. Никто не хотел становиться невольным виновником или просто наблюдателем возможного убийства.

Чаще всего, повседневная жизнь в небольших сообществах, диктовала паллиативные нормы поведения. По этой причине, жених и его родня определенное время старались скрыть факт «бесчестья» девушки, чтобы не позорить семью невесты, ее братьев. По истечении некоторого времени, придумав бытовую причину, они разводились. В сельском обществе, где все обо всех знают, скорый развод мог вызвать, как правило, пересуды. По этой причине девушку с подпорченной репутацией старались поскорее выдать замуж за родственника или вдовца.

И это несмотря на то, что по адатам всех обществ Дагестана, с невестой, оказавшейся после совершения *кебина* нецеломудренной, тут же следовало развестись. В частности, письменно зафиксированные адаты народов Дагестана отмечают проблемы с девственностью, рассматривая их в самых разных проявлениях и ситуациях, как например:

«§ 180. Если же новобрачная отвергнет заявление мужа, то берется во внимание, в трезвом или пьяном виде новобрачный исполнял долг супружества. Если он был пьян, что засвидетельствуется присутствующими на свадьбе, то новобрачная присягою утверждает девственность свою до брачного совокупления на том основании, что новобрачный в пьяном виде, может быть, не чувствовал разрыва девственной перепонки; потому что только в трезвом виде и с большею осторожностью замечается разрыв ее по причине нежности. После сего муж, если не пожелает, чтобы новобрачная оставалась при нем, то может дать ей разводную с уплатой кебинных денег и всего прочего, следуемого ей по брачному условию.

§ 181. Если же муж был трезв, что подтвердится свидетелями, тогда не принимается во внимание отрицание новобрачной, а дается вероятность заявлению мужа, утвержденному надлежащею присягою.

§ 183. Если новобрачная до брака была замечена посторонними в расположении к другому и сама об этом из стыда или боязни не заявила жениху или отцу, а жених не посещал ее, и после первого брачного сокоупления будет объявлена мужем недевственной, что он и подтвердит надлежащею присягою, таковая по желанию мужа возвращается с приданным к родственникам ее и лишается всех прав на получение кебин-хакка и прочего данного ей мужем до и после совершения брака, потому что лицо, к которому она была замечена в расположении до брака, может быть, нарушило ее девственность» [35, с.211].

Чтобы подобных свадебных коллизий не возникало, до девочек-подростков, в процессе воспитания, разными способами доводили информацию о том, что может случиться, если она до замужества потеряет невинность. Описание таких жестких мер по отношению к оступившейся девушке – превентивная мера против ее девиантного поведения.

Заключение

Первая интимная встреча с женихом, обрядовое оформление момента обретения невестой нового статуса – статуса замужней женщины, демонстрация разными способами целомудренности невесты: вывешивание «платка невинности» на зеркало для всеобщего обозрения, демонстрация специальной войлочной простыни во время танца, стрельба из оружия или другие прописанные традицией методы – становились своего рода апогеем свадебных мероприятий. Свадебный цикл предусматривал еще довольно длительный этап послесвадебных обрядов (взаимное гостевание, обмен подарками между породнившимися семьями, первый выход невестки за водой и т.д.), которые завершали обрядовое оформление вхождения невестки в новую семью (а иногда и в новый сельский социум), а также символизировали заключение нового родственного союза между семьями жениха и невесты. Тем не менее, именно подтверждение девственности во время первой брачной ночи было необходимым условием принятия девушки в новый семейный коллектив.

Показать все многообразие обрядов, проводимых у народов Дагестана в «первую брачную ночь» сложно, поскольку практически у каждого из народов, были свои ритуальные нюансы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что демонстрация доказательства целомудрия невесты была обращена, в первую очередь, в адрес ближайших родственников жениха – обязательно свекрови, затем матери невесты. Но у многих народов Дагестана считалось необходимым продемонстрировать это и всем гостям на свадьбе (вывешивание платка или простыни), а порой и всем односельчанам (стрельба и т.д.).

В этом проявляется несколько аспектов отношения к факту сохранения девственности невестой до брака. Первый аспект – это народные представления о значимости этого для судьбы будущих детей, поскольку именно рождение здорового потомства (как в физическом, так и нравственном смысле) обеспечивало

существование отдельной семьи, родственного коллектива, *джамаата*. Этими представлениями и объяснялась непримиримость, а порой и жестокость общества по отношению к оступившейся девушке: в обществе, где очень сильны были традиции главное внимание уделялось интересам общества, интересам социального выживания, а не личным правам и интересам отдельного человека. Как известно, именно с женщиной у большинства кавказских народов связывалось зачастую само рождение детей; ответственность за бездетность супругов чаще всего возлагали на женщину. Неслучайно отношение к сохранению женихом целомудрия к моменту заключения брака было кардинально иным.

Второй аспект – это уже некоторая трансформация отношения к этому вопросу, поскольку с целомудрием невесты были связаны также понятия о соблюдении чести семьи, ее авторитета среди соседей и односельчан. Это касалось как семьи девушки, которая не смогла достойно ее воспитать, так и семьи жениха, которая выбрала недостойную претендентку на роль будущей матери и хозяйки. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что в случае обнародования факта утраты невестой целомудрия до брака, память об этом сохранялась в народе долгие годы, и дурная слава в данном случае влияла и на судьбы ее сестер и братьев. Неслучайно, как указано в статье, в народе обычно старались избежать в данном случае открытого скандала, чтобы уберечь семью от пересудов и возможного кровопролития и вражды.

Почти до 60-х годов XX в. обряды, обычаи и представления, связанные с проведением первой брачной ночи, сохранялись у народов Дагестана практически в неизменном виде.

В настоящее время эта ритуальная составляющая семейно-бытовой обрядности подверглась серьезной коррекции, тем более что по религиозным канонам, факт наличия девственности был необходим, но всенародная демонстрация целомудренности девушки не рекомендовалась и осуждалась духовенством. Заключение брака, свадьба, с сопутствующим обрядовым комплексом, в котором значимое место занимал и ритуал первой брачной ночи, были важным семейно-общественным мероприятием. В них переплелись народные традиции, древнейшие домонотеистические воззрения и представления, которые на разных этапах истории пытались изменить: ислам, не сумев искоренить полностью, приспособился; Советская власть, периодически объявляла борьбу с «пережитками прошлого»; в настоящее время, несмотря на то, что в Дагестане последние десятилетия идет внедрение в обряды канонов «чистого ислама», семейная обрядность и большинство ритуалов сохраняются, за исключением, демонстрации целомудренности девушки в брачную ночь. Свадьба, со всем обрядовым комплексом и ритуалами не потеряла своей актуальности, в первую очередь, в силу своей социальной значимости. Это связано с тем, что, согласно народным традициям, она в Дагестане все еще не стала делом только узкого семейного коллектива. Она сохраняет свою значимость как способ демонстрации общественного авторитета семьи, ее материального состояния, солидарности родственного коллектива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.- 414 с.
2. Мокрушина А.А. Культурологический и лингвистический аспекты свадебного обряда в арабских странах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и Африканистика. СПб., 2010. №4. С. 24–37.
3. Анкушина Г.А. Права женщин в странах арабского мира: прошлое, настоящее, а есть ли будущее? // Концепт. 2013. № Т3. С. 561–565.
4. Мафедзев С.Х. Статус женщины в системе Адыгэхабзе // Женщины Кавказа: от матриархата до исламского фундаментализма: Хрестоматия. Ч. 1. / Под ред. Р.Ш. Кузнецовой, И.В. Кузнецова. Краснодар, 2008. С. 247–273.
5. Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания женщин в России XIX – начала XX века // ЭО. 2009. № 5. С.120–130.
6. Пушкарева Н.Л., Мухина З.З. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 3 (20). С. 43–55.
7. Толстая С.М. Символика девственности в Полевском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. Серия «Русская потаенная литература» / Сост. А.Л. Топорков. М., 1996. С. 192–206.
8. Кокин И.А. Положение женщины в греко-римском мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 3. С. 210–219.
9. Мухина З.З. Девка на поре, не удержишь на дворе ... (о девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.) // Женщина в российском обществе. Иваново, 2010. № 3 (56). С. 58–68.
10. Темкина А.А. Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении (на примере Еревана) // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 1. С. 129–159
11. Хараева Л.Ф., Кучукова З.А. Ургия и Гония в мире кавказской женщины // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008) / Отв. ред. З.А. Кучукова. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. С. 338–342.
12. Текуева М.А. Мир чувственных переживаний кавказской женщины // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 22–38.
13. Козлова О.А. Восприятие нецеломудренной девушки в России конца XVIII в.: гендерный дискурс и этнографическая составляющая проблемы // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 274–275
14. Громова А.И. «Охрана целомудрия»: государственный контроль за женской нравственностью в образовательной и профессиональной сферах в доре-

REFERENCES

1. Karpov YY. Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus [*Zhenskoye prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza*]. Saint-Petersburg: Saint Petersburg Oriental Studies, 2001.
2. Mokrushina AA. Culturological and linguistic aspects of the wedding ceremony in the Arab countries [*Kul'turologicheskii i lingvisticheskiy aspekti svadebnogo obryada v arabskikh stranakh*] *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental studies and African studies*. Saint Petersburg., 2010;(4):24-37.
3. Ankushina GA. Women's rights in the Arab world: past, present, and a possible future [*Prava zhenshchin v stranakh arabskogo mira: proshloye, nastoyashcheye, a yet' li budushcheye?*] *Concept*. 2013;3:561-565.
4. Mafedzev SH. The status of women in the Adygekhabze system [*Status zhenshchiny v sisteme Adygekhabze*] *Women of the Caucasus: from matriarchy to Islamic fundamentalism: chrestomathy. Part 1* [*Zhenshchiny Kavkaza: ot matriarkhata do islamskogo fundamentalizma: Khrestomatiya. CH. 1*] / Ed. RSh. Kuznetsova, IV. Kuznetsova. Krasnodar, 2008:247-273.
5. Pushkareva NL. Shameful punishment of women in Russia in the XIX – early XX centuries [*Pozoryashchiye nakazaniya zhenshchin v Rossii XIX – nachala XX veka*] *Etnograficheskoe obozrenie*. 2009;(5):120-130.
6. Pushkareva NL., Mukhina ZZ. Women and feminine component in traditional Russian sexual culture (before and after the great reforms of the 19th century) [*Zhenshchina i zhenskoye v traditsionnoy russkoy seksual'noy kul'ture (do i posle velikikh reform XIX veka)*] *Bulletin of Perm University. History*. 2012;3(20):43-55.
7. Tolstaya SM. Symbolism of virginity in the Polesie wedding ceremony [*Simvolika devstvennosti v Poleskom svadebnom obryade*] *Sex and sexuality in Russian traditional culture. "Russian hidden literature" series* [*Seks i erotika v russkoy traditsionnoy kul'ture. Seriya «Russkaya potayennaya literatura»*] / Comp. AL. Toporkov. Moscow, 1996:192-206.
8. Kokin IA. The position of women in the Greco-Roman world [*Polozheniye zhenshchiny v greko-rimskom mire*] *Bulletin of the Voronezh State University. "Linguistics and Intercultural Communication" series*. 2008;(3):210-219.
9. Mukhina ZZ. When it's time for the girl, you can't keep her at home... (on women's honor in the peasant environment of Central Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries) [*Devka na pore, ne uderzhish' na dvore ... (o devich'yey chesti v krest'yanskoy srede Tsentral'noy Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.)*] *Woman in Russian society* [*Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*]. Ivanovo, 2010;3(56):58-68.
10. Temkina AA. Premarital virginity: the cultural code of the gender order in modern Armenia (on the example of Yerevan) [*Dobrachnaya devstvennost': kul'turnyy kod gendernogo poryadka v sovremennoy Armenii (na primere Yerevana)*] *Laboratorium: Journal of Social Research*. 2010;(1):129-159.
11. Kharaeva LF., Kuchukova ZA. Urgia and Gonias in the world of a Caucasian woman [*Urgiya i Goniya v mire kavkazskoy zhenshchiny*] *National images of the world in artistic culture: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of the literary critic, philosopher, culturologist G.D. Gachev (1929-2008)* [*Natsional'nyye obrazy mira v khudozhestvennoy kul'ture: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu so dnya rozhdeniya literaturoveda, filosofa, kul'turologa G.D. Gacheva*

- волюционной России // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С.271.
15. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985.- 358 с.
16. Гаджиева С.Ш. Терекеменцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. – 216 с.
17. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988. – 199 с.
18. Алимova Б.М. Табасаранцы (XIX – начало XX в.): историко-этнографическое исследование. Махачкала: Даг.кн. изд-во, 1992. – 264 с.
19. Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН., 2008.- 385 с.
20. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 160 с.
21. Сергеева Г.А. Положение женщины в дореволюционном и Советском Дагестане // КЭС. 1969. Вып. 4. С.120-146
22. Курбанов М-З. Ю. Буркун-Дарго. История, культура и быт: прошлое и настоящее. Махачкала: Издательство «Наука-Дагестан», Махачкала, 2015.-351с.
23. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Эпоха, 2014. – 392 с.
24. Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Вып. 8. М., 1929. С. 151–172.
25. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1913.- 189 с.
26. Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1993. – 140 с.
27. Студенецкая Е.Н. О большой семье у кабардинцев в XIX в. // Советская этнография. 1950. № 2. С. 176-181
28. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – XX в. М.: Наука, 1983.- 263 с.
29. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ.Тифлис:1873. Вып.7. Отд.3. С. 1–80
30. Ризаханова М.Ш. Формы заключения брака и свадебная обрядность мискинджинцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1986. С.127-138
31. Далгат Б.К. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана / сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 77-144.
32. Мтавриев О. Простонародная свадьба в Кахетии // СМОМПК. Вып. 31. Тифлис, 1902. Отд. 3.
33. Токарев С.А. Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. – 616 с.
34. Мусаев Г.М. Рутулы (XIX – начало XX века): Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 1997. – 282.
- (1929–2008)] / Ed. Z.A. Kuchukov. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2015:338-342.
12. Tekueva MA. The world of sensual experiences of a Caucasian woman [*Mir chuvstvennykh perezhivaniy kavkazskoy zhenshchiny*] Herald of Anthropology. 2019;3(47):22-38.
13. Kozlova OA. Perception of an unchaste girl in Russia at the end of the 17th century: gender discourse and the ethnographic component of the problem [Vospriyatiye netselomudrennoy devushki v Rossii kontsa XVIIv.: gendernyy diskurs i etnograficheskaya sostavlyayushchaya problema] XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collected articles. Kazan, July 2-6, 2019 [XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov. Kazan', 2-6 iyulya 2019 g.] / ed. M.Y. Martynova. Moscow; Kazan: IEA RAS, Kazan Federal University, Mardzhani Institute of History of AN RT, 2019:274-275.
14. Gromova AI. "Protection of chastity": state control over female morality in educational and professional spheres in pre-revolutionary Russia [«Okhrana tselomudriya»: gosudarstvennyy kontrol' za zhenskoy npravstvennost'yu v obrazovatel'noy i professional'noy sferakh v dorevolutsionnoy Rossii] XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collected articles. Kazan, July 2-6, 2019 [XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov. Kazan', 2-6 iyulya 2019 g.] / ed. M.Y. Martynov. M.; Kazan: IEA RAS, Kazan Federal University, Mardzhani Institute of History of AN RT, 2019:271.
15. Gadzhieva SS. Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries [*Sem'ya i brak u narodov Dagestana v 19 – nachale 20 v.*]. Moscow: Nauka, 1985.
16. Gadzhieva SS. Terekemen people. The XIX – early XX centuries. Historical and ethnographic study [*Terekementsy. XIX – nachalo XX v. Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye*]. Moscow: Nauka, 1990.
17. Bulatova AG. Traditional holidays and rituals of the peoples of mountainous Dagestan in the XIX – early XX centuries [*Traditsionnyye prazdniki i obryady narodov gornogo Dagestana v 19-20 vekah*]. Leningrad, 1988.
18. Alimova BM. Tabasarans (XIX – early XX century): historical and ethnographic study [*Tabasarantsy (XIX – nachalo XX v.): istoriko-etnograficheskoye issledovaniye*]. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1992.
19. Luguev SA. Akhvaks: Historical and Ethnographic Study. XIX – early XX century [*Akhvakhtsy: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye. XIX – nachalo XX veka*]. Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2008.
20. Ragimova BR. Woman in traditional Dagestan society of the 19th – early 20th centuries (role and place in family and social life) [*Zhenshchina v traditsionnom dagestanskom obshchestve 19 – nachala 20 v. (rol' i mesto v semeynoy i obshchestvennoy zhizni)*]. Makhachkala: DSC RAS, 2001.
21. Sergeeva GA. The position of women in pre-revolutionary and Soviet Dagestan [*Polozheniye zhenshchiny v dorevolutsionnom i Sovetskom Dagestane*] // Caucasian ethnographic collection: works of the Institute of Ethnography. 1969;(4):120-146.
22. Kurbanov M-ZY. Burkun-Dargo. History, culture and everyday life: past and present [*Burkun-Dargo. Istoriya, kultura i byt: proshloye i nastoyashcheye*]. Makhachkala: Publishing house of "Nauka-Dagestan", Makhachkala, 2015.
23. Gimbatova MB. Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan (XIX – early XX century) [*Muzhchina i zhenshchina v*

35. О невестности новобрачной. Книга третья. Ада́ты, по которым разбираются и решаются гражданские споры и претензии. Ада́ты шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаева. Махачкала: Дагкнигиздат, 1965. С. 183–260.

traditsionnoy kul'ture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.). Makhachkala: Epoha, 2014.

24. Kagarov EG. Composition and origin of wedding rituals [Sostav i proiskhozhdeniye svadebnoy obryadnosti] Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) [Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (MAE)]. Moscow, 1929:(8):151–172.

25. Chursin GF. Essays on the Ethnology of the Caucasus [Ocherki po etnologii Kavkaza]. Tiflis: K.P. Kozlovsky typography, 1913.

26. Mamkhegova RA. Essays on Adyghe etiquette [Ocherki ob adygskom etikete]. Nalchik: Elbrus, 1993.

27. Studenetskaya EN. Study on the large family in Kabardins in the 19th century [O bol'shoy sem'ye u kabardintsev v XIX v.] *Soviet Ethnography*. 1950;(2):176–181.

28. Smirnova YS. Family and family life of the peoples of the North Caucasus: the second half of the XIX–XX centuries [Sem'ya i semeynyy byt narodov Severnogo Kavkaza: Vtoraya polovina XIX–XX v.]. Moscow: Nauka, 1983:263.

29. Amirov G-M. Among the mountaineers of Northern Dagestan (from the diary of a gymnasium student) [Sredi gortsev Severnogo Dagestana (iz dnevnika gimnazista)] *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Tiflis, 1873;(7)3:1–80.

30. Rizakhanova MS. Forms of marriage and wedding rituals of Miskindzha people [Formy zaklyucheniya braka i svadebnaya obryadnost' miskindzhintsev] *Marriage and wedding customs among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries* [Brak i svadebnyye obychai u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.]. Makhachkala: Dagestan affiliation of the Academy of Sciences of the USSR, 1986:127–138.

31. Dalgat BK. Materials on the customary law of the Dargins [Materialy po obychnomu pravu dargintsev] *From the history of the law of the peoples of Dagestan* [Iz istorii prava narodov Dagestana] / comp. AS. Omarov. Makhachkala, 1968: 77–144.

32. Mtavriev O. Common people wedding in Kakheti [Prostonarodnaya svad'ba v Kakhetii] // Collection of Materials for Description of Locations and Tribes of the Caucasus. Tiflis, 1902;31(3).

33. Tokarev SA. Ethnographic studies of the peoples of the USSR: Historical foundations of life and culture [Etnografiya narodov SSSR: Istoricheskiye osnovy byta i kul'tury]. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1958.

34. Musaev GM. Rutuls (XIX – early XX century): Historical and ethnographic study [Rutuly (XIX – nachalo XX veka): Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye]. Makhachkala: Jupiter, 1997.

35. On the non-virginity of the newlywed. Book 3. Adats, according to which civil disputes and claims are examined and resolved. Adats of the Tarkovsky Shamkhalstvo and the Mehtulinsky Khanate [O nedevstvennosti novобрачной. Книга третья. Ада́ты, по которым разбираются и решаются гражданские споры и претензии. Ада́ты шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского] *Monuments of the customary law of Dagestan in the 17th – 19th centuries: Archival material* [Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII–XIX vv.: Arkhivnyye materialy] / Comp., foreword, notes by H.-M. Khashaev. Makhachkala: Dagkniгizdat, 1965:183–260.

Статья поступила в редакцию 23.11.2020 г.